

5.6.2

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
GENERAL HISTORY

07.00.03

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА)
GENERAL HISTORY

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

Тюркизм в строительстве турецкой нации и его влияние на китайско-турецкие отношения

©Тао Цзинхун

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: 1945946945@qq.com

Аннотация. *Цель исследования.* В статье рассматривается процесс национального строительства в Турции. Анализируется влияние строительства нации на переход Османской империи к современному национальному государству. Целью исследования является выявление влияния тюркизма в строительстве турецкой нации, возникающих в второй половине XIX века, и его влияние на китайско-турецкие отношения. В качестве оснований выделяются влияние зарубежных тюркских интеллектуалов и турецкой интеллигенции на построение турецкой нации. *Выводы.* В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что тюркизм принципиально не отличается от западных представлений о национальном строительстве. Следует отметить, что генезис тюркизма всецело стал возможен благодаря заимствованию методов западной социальной науки и принятию на вооружение принципа языка в качестве важнейшего. В условиях развития тюркизм пытается использовать принципы ориентализма и лингвистики. Однако в современной Турции тюркизм / пантюркизм всегда демонстрировал тенденцию к экстремизму, выходящую за пределы национального государства. Автор делает вывод, что неудовлетворенность национальным государством и самоидентификацией делает пантюркизм желанием многих людей в Турции выйти за пределы территориального национального государства. Появился ряд примеров из истории внешней политики и неоднократное грубое вмешательство Анкары во внутренние дела Китая в дипломатических целях.

Ключевые слова: Тюркизм, Турция, китайско-турецкие отношения, И. Гасплински, Ю. Х. Акчурин, Зия Гёкальп.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тао Цзинхун Тюркизм в строительстве турецкой нации и его влияние на китайско-турецкие отношения // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 141-147. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

Turkism in the Building of the Turkish Nation and its Influence on Sino-Turkish Relations

©Tao Jinghong

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: 1945946945@qq.com

Abstract. *The purpose of the research.* The article discusses the process of nation building in Turkey. The influence of nation-building on the transition of the Ottoman Empire to a modern nation-state is analyzed. The purpose of the research is to identify the influence of Turkism in the construction of the Turkish nation, emerging in the second half of the 19th century, and its influence on Chinese-Turkish relations. As grounds, the influence of foreign Turkic intellectuals and Turkish intelligentsia on the construction of the Turkish nation is highlighted. *Results.* As a result of the study, the author comes to the conclusion that Turkism does not fundamentally differ from Western ideas about nation building. It should be noted that the genesis of Turkism became entirely possible thanks to the borrowing of the methods of Western social science and the adoption of the principle of language as the most important. In the conditions of development, Turkism tries to use the principles of Orientalism and linguistics. However, in modern Turkey, Turkism/Pan-Turkism has always shown a tendency towards extremism that transcends the boundaries of the nation-state. The author concludes that dissatisfaction with the nation-state and self-identification makes pan-Turkism the desire of many people in Turkey to go beyond the territorial nation-state. A number of examples from the history of foreign policy have emerged and Ankara's repeated gross interference in China's internal affairs for diplomatic purposes.

Key words: Turkism, Turkey, Sino-Turkish relations, I. Gasplinsky, Yusuf Akçura, Ziya Gökalp.

FOR CITATION: Tao Jinghong Turkism in the Building of the Turkish Nation and its Influence on Sino-Turkish Relations // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 141-147. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

1. ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что основным субъектом коммуникации в современных международных отношениях является национальное государство. Турецкая Республика — это национальное государство, созданное в 1923 году. Здесь необходимо поднять два основных вопроса: во-первых, что такое национальное государство; во-вторых, как строится национальное государство.

Достаточно вспомнить такой прорывной шаг, как «Гюльханейский хатт-и-хюмаюн»: провозглашение реформ танзимата явилось «событием, которое должно было стать поворотным моментом не только в турецко-османско-исламской истории, но и в истории человечества. Этой декларацией был задокументирован отказ от системы, в своей основе утверждавшей в течение 12 веков свою неизменность и своё превосходство, и установление вместо неё принципа равенства и безопасности всех людей — подданных империи. Принципы Французской революции... менее через полвека и раньше даже, чем в некоторых странах Запада, утверждались на территории Османской империи. Задачей было достигнуть таким способом уровня западной цивилизации» [Koloğlu, 2007: 39]. На втором этапе реформ танзимата, Абдулмеджид (1839–1861 гг.) указал: «С момента взоарения на престол нашим главным желанием была забота о счастье всех наших подданных» [Sevim, 1989: 293–294]. Эта реформа «во имя счастья всех подданных» принесли «очень полезные результаты, государство с каждым днём богатеет и благоустраивается», ныне пришло время «ещё более укрепить и расширить новый порядок» благодаря «как усилиям всех моих подданных, так и дружеской поддержке великих держав». «Гарантии, дарованные мною согласно оглашённому в Гюльхане хатт-и хумаюну и благам Танзимата для защиты жизни, имущества и чести всех моих подданных любой религии и верования, ещё раз мною подтверждаются и для практического выполнения этих гарантий будут предприняты необходимые эффективные меры. И сейчас остаются в силе все привилегии и религиозные льготы, дарованные в прошлом моими предками христианам и другим немусульманам» [Sevim, 1989: 293–294]. Христиане могли поступать на государственную службу, получать образование в военных и гражданских учебных заведениях.

Теоретически такой подход прогрессивен, но Османская империя находится прямо напротив Европы и России, и даже

самые быстрые реформы кажутся недостаточными, чтобы отреагировать на такое сильное воздействие. Более того, Османская империя, как и все феодальные государства, всегда имела определенный предел реформ. Когда восточноевропейские регионы с христианским населением были утрачены в результате войны, смысл османизма перестал существовать, сопровождается подъемом тюркизма в Турции.

2. ПРОЦЕСС СКЛАДЫВАНИЯ ТУРЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Самая яркая черта национального строительства Турции — мощное непосредственное влияние и вмешательство иностранной (европейской) современности. Турция также пыталась построить будущее национальное государство, основанное на правлении и истории империи. Прежде всего, «османизм» был конкретным проявлением этой попытки построить современное национальное государство на его собственном историческом фундаменте. Как отметил Решит-паша: «Мы ничего не сможем сделать, если не обратимся к цивилизации, а она может прийти лишь из Европы» [Дулина, 1984: 89]. Османы и прежде не были лишены достижений в модернизации: так, реформы Селима III позволили применить европейскую культуру в турецком обществе и перевести турецкую дипломатическую систему на профессиональную основу [Киреев, 2007: 25]. За счет этого Турция заняла место на арене международных отношений в своем регионе намного раньше, чем Китай на Дальнем Востоке.

2.1. ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЮРКСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

На самом деле империя была безжалостно разрушена подавляющей силой, и это заставило турок поверить в невозможность унаследовать национальное государство имперского периода, а также в то, что необходимо взять за образец более успешное мононациональное государство в Европе. Как в имперский период, так и после краха империи трансформация концепции национального государства, которая тяготела бы к формированию моноэтнического сообщества по типу европейских образцов, выступала как попытка заимствования и дальнейших трудностей в адаптации европейского примера модернизации. Здесь особенно важно увидеть,

что тюркизм возник за пределами Османской империи. Неудивительно, что интеллектуалы тюркского происхождения за пределами региона сыграли авангардную роль в национальном строительстве самой Турции.

Главная фигура — И. Гасплинский (1851–1914), один из первых представителей мусульманской интеллигенции в России. В конце XIX–начале XX вв. крымские татары жили в Российской империи, которая вбирала в себя сравнительно больше (чем Османская держава) феноменов западной жизни и модернизации. Как меньшинство, они чувствовали давление модернизации на выживание нации более остро [Губайдуллин, 2017: 92–94]. В то время как Османская империя все еще экспериментировала с османизмом, крымские татары раньше переняли современный национализм и просвещение для формирования своей нации.

Имеется немало оснований для складывания столь существенных различий в развитии тюркистских теорий в двух империях. Первый — это экономические причины. Сравнимая экономические условия двух империй в исследуемый период, с конца 19 века до начала 20 века, можно обнаружить, что все экономическое развитие Российской империи, особенно промышленное развитие, претерпело два быстрые процессы роста, и сформировался монополистический капитал; индустриальное развитие в Османской империи гораздо менее впечатляюще, и Анатолия почти находится в вакууме индустриального [Мухамметдинов, 1996: 23–24]. На территории Российской империи правление империи также обеспечивало базовые условия для формирования пантюркской идентичности. Нет никаких сомнений в том, что достижения Российской империи в модернизации намного лучше, чем у Османской империи, а феодальные отношения татарской интеллигенции гораздо менее ограничены, чем те, которые ощущались в Османской империи; В то же время Россия утверждала, что она освободительница и убежище славян, но внутри она угнетатель тюркской нации.

Под двойным воздействием этой относительно рыхлой и свободной политической среды и панславизма он стимулировал формирование пантюркизма на территории Российской империи. С другой стороны, крымскотатарские интеллектуалы также познакомились со многими тюркскими народами, находившимися под властью России, через территорию Российской империи; кроме того, многие передовые татарские интеллектуалы получали востоковедческую подготовку в сфере образования в России и за границей. Географически широко распространенные эмпирические открытия и, самое главное, овладение методом конструирования национализма, взятым из арсенала европейской социологии, легли в основу формирования пантюркской теории. Как отмечал Гасплинский: «В России проживают миллионы тюрко-татарских племен, исповедующих одну религию, говорящих на одном диалекте одного языка, имеющих одно и то же общество и социальную жизнь, и те же традиции <... > Итак, если мы обнаружим, что русификация тюрко-татарских русских невозможна, и невозможно добиться воссоединения таким образом, что останется? На основе равенства, свободы, науки и образования все еще существует возможность единства и морального примирения» [Гаспринский, 1993: 18]. Этот отрывок можно понимать как своего рода Просвещение, и своего рода традиционные изобретения дополняют друг друга. Таким образом, Гаспринский известен как первый человек, создавший мифологическую концепцию единой тюркской нации.

Программный лозунг «Единство в словах, мыслях и делах!» Гасплинский выдвинул в газете «Переводчик», созданном в 1883 г. Как «Переводчик», так и течение джадидизма, за которое он выступал, были нацелены на широкое продвижение по-

пулярного национального образования, в частности, стремясь заложить фундамент краткого и ясного общего тюркского языка в разговорной речи Крыма. Далее через этот универсальный тюркский язык предполагалось вести национально-просветительское культурное движение западного образца [Мухамметдинов, 1996: 40]. Это предвестники строительства Кемалем турецкого национального государства. Стоит упомянуть, что академик Императорской Академии наук, востоковед Ильминский раскритиковал ситуацию в это время: «Газет и учебников становится все больше, и их содержание полностью западно-просветительское. Язык — османский тюркский. Они обошли Россию стороной. и прямо принял влияние Запада» [Губайдуллин, 2017: 192]. В целом, когда крымскотатарские интеллектуалы четко предложили пантюркизм как современную национальную идентичность, турецкая идеология все еще оставалась на уровне идеологии национального строительства, основанной на османизме и исламизме.

На Третьем Всероссийском съезде мусульман, проходившем в 1905–1906 годах, Гаспринс и его идейный преемник Ю. Х. Акчурин выступили с программными декларациями. Гасплинский в своем выступлении на съезде сказал: «В целом все турки имеют один корень и одно происхождение. Их разделяют только геополитические и политические факторы» [Ақсұра, 1990: 143]. Акчурин сделал вопиющее заявление: «Хотя название Третьей Всероссийской мусульманской конференции — мусульманская конференция, ее суть — национальное движение» [Мухамметдинов, 1996: 26]. Здесь мы можем увидеть татарский пантюркизм буржуазного происхождения. Для современного гражданина Турции интеллектуальные элиты, это был идеологический авангард, именно через пантюркистское построение этих буржуазно-татарских интеллектуальных элит, которые в определенной степени направляли и предвидели будущий путь младотурецкой партии. Это напрямую отражается в процессе взаимодействия Актулы и младотурок. Когда Акчурин сделал четкое предложение о том, что будущее турецкой страны должно быть основано на национальных принципах и должно быть в гармонии с покровителями и правителями всех Ислам, основным направлением мышления младотурок после 1908 года по-прежнему является османизм, и их политические устремления по-прежнему сводятся к восстановлению Конституции 1876 года [Мухамметдинов, 1996: 48–51]. Акчурин, один из представителей русских татар, получивших просвещение в Европе, получил образование в Париже. Точно так же и в этот период именно Россия, наряду со многими русскими тюркскими интеллектуалами, была заражена атмосферой русской демократической революции [Мухамметдинов, 1996: 55–61].

Хотя многие ученые, особенно китайские, изучающие Турцию, почти полностью рассматривают тюркизм (особенно когда используется концепция пантюркизма) как противоположность национального государства и национализма. Но надо сказать, что тюркизм вначале был разновидностью национализма. Особенность его как национализма заключается в том, что в России он должен установить своего рода суперэтнический национализм, чтобы преодолеть трайбализм, а после того, как турки были отнесены к османскому, туркам необходимо заимствовать концепцию тюркизма для преодоления понятие тюркизм занимает маргинальное положение в османском обществе, культуре и политической истории. В статье «Османская конституция и тюрки» Акчурин указал, что турки являются ядром единства Чингисхана, Тимура и Османской империи, так же как Пруссия и Германия [Georgeon, 1980]. Очевидно, неправильно применять концепцию национального государства к Евразийской империи, но он очень хочет понять, что переход Османской империи в национальное государство должен поставить в центр

концепцию «тюркского». Идеи, которых придерживался сам Акчурун, можно рассматривать как указатель. Считается, что точка зрения Акчуруна основана на понятии «гражданин», а не на «исламизме». Его наиболее ранним манифестом пантюркизма была его статья «Три направления» (буквально: «Три системы правления» — *Üç terz-i siyaset*). Сравнивая османизм, панисламизм и пантюркизм, как возможные перспективы развития и векторы национально-освободительного движения в тюркском мире, он последовательно выявлял недостатки первых двух и преимущества третьего направления. Он отрицал, что османизм и исламизм могли быть выходом для национального государства, и только Турция / тюркизм, основанный на лингвистическом национализме, был основой для создания национального государства. Мустафа Кемаль очень ценит Акчуруна, потому что у него есть независимые идеи. Он участвовал в создании Турецкого исторического общества в 1931 году, а в следующем году был назначен председателем этого учреждения. В 1932 году он председательствовал на первом Турецком историческом конгрессе в Анкаре [Georgeon, 1980].

2.2. ВЛИЯНИЕ ТУРЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПОСТРОЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

Зия Гёкальп (1876–1924) был родом из Диярбакира, самоучка, активный участник движения младотурок, был членом Центрального Совета Комитета единения (союза) и прогресса с 1908 по 1918 гг., затем проявил себя как соратник Мустафы Кемалея, способствовал его приходу к власти. Гёкальп дает свое определение нации, которая, по его убеждению, является «не какой-либо расовой, этнической, географической, политической или произвольной группой, а состоит из индивидуумов, которые обладают общим языком, религией, моралью и эстетикой, иначе говоря, которые одинаково воспитаны, получили одинаковое образование» [Gökalp, 1973: 15]. Младотурки в конечном итоге склонились к пантюркизму и добавили его в национальную идеологию.

Гёкальп, очевидно, является представителем прямого доступа Турции к современности с Запада. Гёкальп считает, что османская цивилизация была сформирована путем заимствования из ислама, восточной цивилизации и западной цивилизации с включением турецкой, персидской и арабской культур. Следовательно, Османская цивилизация как цивилизация, созданная руками человека, хаотична, потому что цивилизация гармонична только тогда, когда она «привита» одной культурой — это современное национальное государство [Gökalp, 1973: 29–40]. Другими словами, современная западная цивилизация — это международный продукт национального статуса каждой нации в процессе социальной эволюции. Турбулентность Турции заключается в том, что она превращается из цивилизации теократии в цивилизацию, основанную на современном национализме. Турки отвергли наследие Османской империи, потому что османская цивилизация была рукотворной формой, сформированной под влиянием многих цивилизаций, и содержала космополитические ценности. Очевидно, Гёкальп понимал, что в эпоху, когда национальные государства составляли мировую систему, космополитическое «универсальное государство» неуместно. Тюркизм, язык и культура составляют основу национального государства как органического сообщества.

Для новой Турции лингвистический национализм воплощен в качестве ядра национального строительства. Следует сказать, что лингвистический национализм является одним из органических компонентов построения национального

государства. Вообще говоря, язык правящей элиты используется для подавления и ассимиляции языка простых людей, а язык центра используется для установления норм языка периферии. Турецкий лингвистический национализм просто считает османский язык правящего класса нечистым, богатым персидскими и арабскими элементами. С одной стороны, чуждый характер этого языкового национализма, который не только олицетворяет современность Запада, но также показывает, что миф современности уплотняет мифический образ племенных языков за пределами территории и национальной истории, что делает национальные особенности Турции межэтническими. Ярким проявлением этого является создание так называемой «теории солнечного языка (*Güneş Dil Teorisi*)», которая Теория солнечного языка был турецким националистом лингвистической псевдонаучной гипотезой, разработанной в Турции в 1930-х годах, которая предполагала, что все люди языки являются потомками одного прото-тюркского первичного языка. Теория предполагала, что, поскольку этот первичный язык имел близкое фонематическое сходство с турецким, все остальные языки, по сути, восходят к тюркским корням затрудняет построение национального государства в Турции. Они отрицают, что курдский язык в стране является независимым языком, и считают, что курдский — это своего рода Турецкий язык. С другой стороны, постоянно открывающаяся лингвистическая концепция делает субъект национального государства фактически открытым государством. Это переключается с националистическим концептуальным огнем и эмоциональным огнем, разожженным иностранными изгнанниками при основании страны, даже если территория национальное государство не может быть изменено произвольно, и оно всегда приветствует иностранных изгнанников, а изгнанники, очевидно, принесут в Турцию внешние политические проблемы и вызовут ряд дипломатических проблем.

Ясин Актай (Yasin Aktay), советник председателя Партии справедливости и развития (далее-ПСР), недавно раскритиковал тех, кто настаивает на границе национального государства в вопросе беженцев, подчеркнув, что «граница — это честь». Ясин Актай сказал, что ««концепция границ в их сознании превратилась в дуршлаг. Это нечестные люди, пойманные в ловушку границ, очерченных империалистами» [Cumhuriyet, 2021]. Очевидно, это не только доказывает, что турецкая нация всегда неполноценна, но также включает в себя неспособность закрыть территорию национального государства, потому что это отражает другую точку зрения, помимо принятия определения страдающей дисперсией нации, сегодняшнего территориальные границы Турецкой Республики также навязаны империализмом. Перед лицом реализма Турецкая Республика приняла существующие границы национального государства и отвергла пантюркизм как официальную идеологию. Но по указанным выше причинам соблазн пантюркизма преодолеть невозможно.

Гёкальп указал, что единство тюркского и турецкого языков (*türk dilileri/türk dili*) основано на единстве языка и культуры и разделено на три части [Лайпанов, 2003: 113–114]:

1. Независимое Османское государство.
2. Области, населенные тюрками на севере и западе Ирана.
3. Обширные тюркские пространства, находящиеся под властью России и Китая.

Поскольку эти три части связаны по принципу единства, поскольку Турция и турки концептуально неотличимы, принцип реализма не может полностью заставить Турцию думать, что последние две части полностью отделены от нее самой. Это предполагает вмешательство во внутренние дела других стран в рамках дипломатии. Особенно когда китайско-турец-

кие экономические и торговые дипломатические отношения не очень сильны, нет реализма, который мог бы подавить этот порыв Турции.

3. ВЛИЯНИЕ ТЮРКИЗМ НА КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

При изучении истории китайско-турецких отношений уйгурский вопрос присутствует постоянно. Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР был образован в 1955 г. 45% населения СУАР составляют уйгуры — тюркоязычный народ. После распада Советского Союза в этом районе Китая активизировалось сепаратистское движение. Уйгурский вопрос здесь относится именно к проблемам сепаратизма, истоки которых находятся как внутри, так и за пределами Китая.

После распада Советского Союза премьер-министр Турции Демирель и другие политические лидеры заявили, что не позволят Китаю «ассимилировать» уйгуров. У Турции, очевидно, есть свое собственное историческое мировоззрение и концепция национального государства, которые мы подчеркивали. Слепленная оптимизмом и ложным историческим сознанием действия Турции против Китая были слишком смелыми и агрессивными. Кроме того, президент Х. Т. Озал встретился с лидером уйгурских сепаратистов И. Ю. Альптекином, который заявил СМИ, что Х. Т. Озал «принял дело Восточного Туркестана». По словам И. Ю. Альптекина, Х. Т. Озал также сказал: «Бывшие советские тюркские республики объявили независимость. Теперь очередь Восточного Туркестана. Мы хотим относиться к древней родине турок как к свободной стране» [East Turkestan Information Bulletin, 1994]. Не подлежит сомнению, что в Турции имели популярность взгляды, согласно которым Китайская Народная Республика должна была в скором времени подвергнуться распаду, подобно СССР, что должно было дать возможность установления независимого государства уйгуров.

Из широко известного турецкого лозунга «Тюркский мир от Адриатического моря до Великой Китайской стены» следует, что с психологической точки зрения Турция рассматривала Китай как соседнюю страну, хотя вообще они лишены непосредственной географической связи. Также немаловажно, что именно Великая Китайская стена указана как граница тюркского мира. Подобная психология также подталкивает ее сторонников к более иррациональным и агрессивным установкам, будто бы законная территория Китая должна быть ограничена Великой Китайской стеной, а иные районы Китая были им захвачены.

Очевидно, эти опасные действия разозлили Китай. Китайские СМИ резко отреагировали на интерес Турции к Синьцзяну. В «Жэньминь жибао» была опубликована статья, в которой предупредили, что эти неприятные события могут вынудить Китай принять превентивные меры против Турции [Лу Янь, 2012]. Однако это не помешает Турции поддерживать уйгурскую диаспору. В условиях, когда пантюркские ожидания растут, а китайцы на это негативно реагируют, парк в Стамбуле назван в честь И. Ю. Альптекина за несколько месяцев до его смерти в 1995 г. Р. Т. Эрдоган похвалил И. Ю. Альптекина и его борьбу за тюркский мир на парковой церемонии [Atay, 2010: 115]. Многие другие провинции Турции — Кайсери, Конья и Кахраманмарас — в подражание Стамбулу и присвоили имя И. Ю. Альптекина паркам на своей территории. Посол КНР выразил протест и потребовал от турецких властей изменить название [Çolakoğlu, 2012]. Эрдоган, тогдашний мэр Стамбула, очень твердо ответил китайскому министерству иностранных дел: «Если не только китайцы, но и весь

мир попытаются оказать на нас давление, мы не изменим название парка. Мы, Думаю, изменение названия парка оскорбит не только Турцию, но и всех тюрков в мире» [East Turkestan Information Bulletin, 1995].

5 июля 2009 г. уйгурские сепаратистские силы во главе с «Всемирным уйгурским конгрессом» подстрекали террористов к совершению насильственных действий против людей всех этнических групп в Урумчи (СУАР). В результате событий 5 июля в Урумчи более 1700 человек получили ранения и 197 человек погибли. Среди них 156 человек погибли невинно (134 хань, 11 хуэй, 10 уйгуров и 1 маньчжур); среди других погибших — погромщики, убитые на месте за совершение насильственных преступных действий. Было повреждено более 700 домов и сожжено более 1300 автомобилей [Синьхуа, 2009]. В этом инциденте больше всего пострадали представители ханьской национальности, и есть свидетельства того, что преступники были не местными уйгурскими гражданами, а организованными мятежниками, происходящими из более отсталого консервативного юга Синьцзяна. 10 июля 2009 г. премьер-министр Эрдоган заявил о событиях в Синьцзяне как о «геноциде» [РИА Новости, 2009]. Президент А. Гюль высказался об событиях 5 июля следующим образом: он «надеется, что китайское правительство расследует этот инцидент открытым, справедливым и прозрачным образом», особо подчеркивая, что «для нас важно, чтобы наши братья были там и могли жить свободной, счастливой и приносящей удовлетворение жизнью в своей собственной стране». Он воспользовался приглашением китайских властей посетить Синьцзян, что отразилось в следующей ремарке «Местная молодежь говорит по-турецки, а их песни и легенды еще раз доказывают, что мы тесно связаны друг с другом». Реакция правительства КНР на заявления Гюля была явно раздраженной: «Основная этническая группа в Турции и уйгурская этническая группа похожи только лингвистически, и они не были одной и той же нацией с древних времен до наших дней» [Сохунет, 2009].

Хотя пантюркизм подавляется в официальном контексте Турции, это не означает, что турецкий национализм полностью свободен от влияния пантюркизма. Можно даже сказать, что ядром турецкого национального государства по-прежнему является тюркистский стиль, и именно это тюркское ядро делает турецкую нацию и турецкое национальное государство незавершенным по сей день. Незавершенность турецкого национализма заключается в разрыве навязанной системы современности и исторической коннотации: во-первых, как особый вид лингвистического национализма, вызвана незавершенность границы Турции как территориального национализма. Конструкция турецкого национализма основана на особом роде лингвистического национализма.

Верно, что лингвистический национализм также является элементом западного национализма, однако из-за специфики мифа о турецком национализме, языковой миф имеет внешнюю природу по отношению к турецкой стране. В отличие от языкового аудита европейских стран, который усилил территориальный национализм национального государства, Турция основана на тот же принцип, но делает территориальный национализм еще более психологически невозможным. Национальное государство вызвало ряд проблем. С точки зрения внутренних дел, оно, безусловно, включает курдские и исламские проблемы; с точки зрения дипломатии оно также вызвало ряд проблем. а самая большая проблема в дипломатии с Китаем — это проблема Синьцзяна, которая породила вмешательство Турции во внутрен-

ние дела Китая. Как неоднократно подчеркивалось, потому что новое турецкое национальное государство представляет собой своего рода осколок Османской империи как в принципе, так и территориально.

4. ВЫВОДЫ

Процесс национального строительства в Турции — это процесс трансформации общества от империи к национальному государству, от Османской империи к Турецкой Республике. Этот процесс непосредственно вовлекал в себя различные группировки национальных элит — от младотурков до кемалистов, пытавшихся адаптироваться к влиянию Запада и установлению процесса разделения националистических стран в международные отношения.

Тюркизм принципиально не отличается от западных представлений о национальном строительстве. Следует отметить, что генезис тюркизма всецело стал возможен благодаря заимствованию методов западной социальной науки и принятию на вооружение принципа языка в качестве важнейшего. Тюркизм пытается использовать принципы ориентализма и лингвистики, чтобы прийти к полностью научному (особенно лингвистическому), а не к осязаемому «воображаемому сообществу» [Anderson, 2006], что выражается в отстаивании тезиса о наличии у всех тюркоязычных народов одних и тех же исторических корней. Однако в современной Турции тюркизм / пантюркизм всегда демонстрировал тенденцию к экстремизму, выходящую за пределы национального государства. Таким образом, неудовлетворенность национальным государством и самоидентификацией делает пантюркизм желанием многих людей в Турции выйти за пределы территориального национального государства. Это позволяет нам вспомнить ряд примеров из истории внешней политики и неоднократно грубое вмешательство Анкары во внутренние дела Китая в дипломатических целях.

Построение национального государства олицетворяет самоидентификацию, и идентичность самоидентификации, не-

сомненно, является самым большим фактором, влияющим на дипломатию. Точно так же, помимо идеологической идентичности, национальная идентичность, конечно, также отражается в создании территориального государства. Естественно, чем более неудачно построение национального государства, тем невозможно реализовать международный дипломатический принцип невмешательства национального государства в суверенитет других стран.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Турция является национальным государством, обладающим собственными идентичностью, территорией и соответствующим положением в международной системе, однако это не устраивает власти страны. Анкара не может построить инклюзивное (т.е. вбирающее в себя жителей всех национальных групп) национальное государство внутри своих границ, а за их пределами ее всегда привлекал «турецкий/тюркский мир» от Адриатического моря до Великой Китайской стены. Данная дилемма также отражается в нестабильных отношениях Турции с Китаем, особенно в вопросе Синьцзяна.

Что касается отношений между Турцией и Китаем, то в долгосрочной перспективе Анкара не считает развитие отношений с Пекином первоочередной задачей. То же самое можно сказать и о Китае, который весьма слабо представляет себе истоки конфликтности, порождаемой практикой воплощения в Турции концепции национального государства; добавим, что турецкая сторона также не имеет достаточно мощного стремления к разрешению этих проблем. Недоверие Турции к КНР выражается в активном провоцировании уйгурских политических вопросов, а в ряде случаев осложнения в двусторонних отношениях объясняются «слухами в СМИ». В контексте глобальной борьбы с терроризмом Китай рассматривает Турцию в определенной степени как страну со значительной угрозой исламского терроризма, такую как Афганистан, Ирак или Пакистан. Поэтому Китай подчеркивает проблему Синьцзяна как производную от идеологического влияния «пантюркизма» и «панисламизма».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Казань: Россия и Восток, 1993. 45 с.
2. Губайдуллин, Г. К вопросу об идеологии Гаспринского (Предварительные материалы). Крымское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 192–194. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gaziz-gubaydullin-k-voprosu-ob-ideologii-gasprinskogo-predvaritelnye-materialy/viewer> (Дата обращения 15.03.2022).
3. Дулина, Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М.: Издательство «Наука», 1984. 187 с.
4. Киреев, Н. Г. История Турции XX Век. М.: Институт Востоковедения РАН. 2007. 609 с.
5. Мухамметдинов, Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Изд-во «Заман», 1996. 272 с.
6. Пантюркизм в Османской империи. Младотурки и пантюркисты. / Под ред. Билал Лайпанов. АС-АЛАН. 2003. №1. С. 113–114.
7. Турецкий премьер сравнил беспорядки в Синьцзяне с геноцидом // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (Дата обращения 15.02.2022).
8. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
9. Atay, F. Ö. Impact of the Xinjiang Problem on the China's External Relations: 1990–2010. Master's paper. Ankara: Middle East Technical University, 2010. 115 p.
10. Eastern Turkestan Union in Europe. Isa Yusuf Alptekin Honors Ozal. // East Turkestan Information Bulletin, June 1994.
11. Eastern Turkestan Union in Europe. China Presures Turkey on Isa Yusuf Alptekin Park. // East Turkestan Information Bulletin, February 1995.
12. Akçura, Y. Türkçülük ve dış Türkler. İstanbul: Toker yayınları, 1990. 143 s. // Акчурин, Ю. Тюркизм и зарубежные тюрки. Стамбул: Токерские пу-

REFERENCES:

1. Gasprinskij, I. Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim. Kazan: Russia and the East, 1993. 45 p.
2. Gubajdullin, G. On the question of Gasprinsky's ideology (Preliminary materials). Crimean historical review. 2017. No. 1. P. 192–194. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gaziz-gubaydullin-k-voprosu-ob-ideologii-gasprinskogo-predvaritelnye-materialy/viewer> (Дата обращения 15.03.2022).
3. Dulina, N. A. Tanzimat and Mustafa Reshid Pasha. Moscow: Nauka Publishing House, 1984. 187 p.
4. Kireev, N. G. History of Turkey XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies Ran. 2007. 609 p.
5. Muhammetdinov, R.F. The origin and evolution of Turkism. Kazan: Zaman Publishing House, 1996. 272 p.
6. Pan-Turkism in the Ottoman Empire. Young Turks and Pan-Turkists. / Ed. Bilal Laipanov. AS-ALAN. 2003. No. 1. pp. 113–114.
7. The Turkish Prime Minister compared the unrest in Xinjiang with genocide // RIA Novosti. — URL: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (Дата обращения 15.02.2022).
8. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
9. Atay, F. Ö. Impact of the Xinjiang Problem on the China's External Relations: 1990–2010. Master's paper. Ankara: Middle East Technical University, 2010. 115 p.
10. Eastern Turkestan Union in Europe. Isa Yusuf Alptekin Honors Ozal. // East Turkestan Information Bulletin, June 1994.
11. Eastern Turkestan Union in Europe. China Presures Turkey on Isa Yusuf Alptekin Park. // East Turkestan Information Bulletin, February 1995.

- бликации, 1990. 143 с.
13. Çolakoğlu, S. Türkiye'nin Çin Politikası ve Uygurlar (1991-2001). Türk Sosyal Bilimler Derneği 7. 2012. // Чолакоглу, С. Политика Турции в отношении Китая и уйгуры (1991–2001 гг.). Турецкая ассоциация социальных наук 7. 2012. — Режим доступа: <http://gokbayrak.com/haberler/turkiyenin-cin-politikasi-ve-uygurlar-1991-2001> (Дата обращения 15.02.2022).
 14. Erdoğan'ın danışmanı Aktay'dan bu kez 'namussuzlar' çıkışı! // Советник Эрдогана Актай на этот раз «нечестный человек» сказал! Cumhuriyet 25 август 2021. — Режим доступа: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdoganin-danismani-aktaydan-bu-kez-namussuzlar-cikisi-1863333> (Дата обращения 15.02.2022).
 15. Georgeon, F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri: Yusuf Akçura. Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1980. // Джорджон Ф. Истоки турецкого национализма: Юсуф Акчурин. Турецкий фонд экономической и социальной истории. 1980. — Режим доступа: <http://www.altinicizdiklerim.com/resimler/TurkMilliyetciligininKokenleri.pdf> (Дата обращения 19.02.2022).
 16. Gökalp, Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Varlık Yayınları. 1973. pp. 29–40. // Гёкальп, З. Принципы тюркизма. — Стамбул: публикации Варлык, 1973. с. 29–40.
 17. Koloğlu, O. Abdulhamid gerseği. İstanbul, 1987. С. 23. Цитата из книги «История Турции XX Век». / Н.Г. Киреев. — М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. 608 с.
 18. Sevim, A., Yücel, Y. Türkiye tarihi: fetih, Selçuklu ve beylikler dönemi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989. 538 s. // Севим, А., Юджел, Я. История Турции: период завоеваний, сельджуков и княжеств. Анкара: Издательство Турецкого исторического общества, 1989. 538 с.
 19. 路琰. 中土合作反「东突」玄机, 凤凰周刊. 2012-04-23. // Лу Янь. Тайна китайско-турецкого сотрудничества против «Восточного Туркестана». / Лу Янь. // Phoenix Weekly. 2012-04-23. — Режим доступа: <https://www.wenmi.com/article/pya3nh03sbt4.html>
 20. 新疆新闻办负责人就乌鲁木齐「7.5」事件答记者问. 新华社 // Руководитель Информационного бюро Синьцзяна отвечает на вопросы журналистов об инциденте «5 июля» в Урумчи. Синьхуа — Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2009-08/06/content_1384601.htm
 21. «7.5» 事件土耳其玩变脸 工业部长竟抵制中国货. 搜狐网 // Про инцидент «7.5», мнение Турции изменилось, министр промышленности фактически бойкотировал китайские товары. Сохунет — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/gj-gjzj/news/2009/07-15/1776204.shtml>
 22. Akçura, Y. Turkism and external Turks. İstanbul: Toker Publications, 1990. 143 p.
 23. Çolakoğlu, S. Turkey's China Policy and the Uyghurs (1991-2001). Turkish Social Sciences Association 7. 2012. — URL: <http://gokbayrak.com/haberler/turkiyenin-cin-politikasi-ve-uygurlar-1991-2001> (Дата обращения 15.02.2022).
 24. Erdogan's adviser Aktay this time 'dishonest people'! // Cumhuriyet 25 august 2021. — URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdoganin-danismani-aktaydan-bu-kez-namussuzlar-cikisi-1863333> (Дата обращения 15.02.2022).
 25. Georgeon, F. The Origins of Turkish Nationalism: Yusuf Akçura. Turkish Economic and Social History Foundation, 1980. — URL: <http://www.altinicizdiklerim.com/resimler/TurkMilliyetciligininKokenleri.pdf> (Дата обращения 19.02.2022).
 26. Gökalp, Z. Principles of Turkism. İstanbul: Varlık Publications. 1973. pp. 29–40.
 27. Kologlu, O. Abdulhamid stretch. İstanbul, 1987. С. 23. 17. Quote from the book «The History of Turkey in the 20th Century». / N.G. Kirev. — M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007. 608 p.
 28. Sevim, A., Yücel, Y. History of Turkey: conquest, Seljuk and principalities period. Ankara: Turkish Historical Society Press, 1989. 538 p.
 29. Lu Yan. The Mystery of Sino-Turkish Cooperation Against «East Turkistan», Phoenix Weekly. 2012-04-23. — URL: <https://www.wenmi.com/article/pya3nh03sbt4.html>
 20. The head of the Xinjiang Information Office answered reporters' questions about the «7.5» incident in Urumqi. Xinhua News Agency. — URL: http://www.gov.cn/jrzg/2009-08/06/content_1384601.htm
 21. «July 5» Incident Turkey's Industry Minister Boycotted Chinese Products. Sohu.com. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj-gjzj/news/2009/07-15/1776204.shtml>

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 89,71%.

Рецензент: Кузьмин В. А., доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022, принята к публикации 02.06.2022

The article was received on 12.05.2022, accepted for publication 02.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАО ЦЗИНХУН, аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-0414-4226>, e-mail: 1945946945@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Tao Jinghong, post-graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-0414-4226>, e-mail: 1945946945 @ qq.com